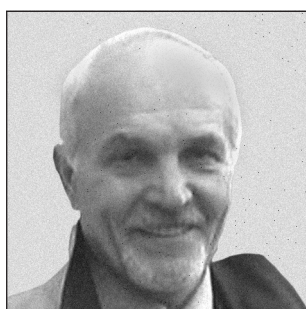

Понимание в герменевтике и за ее пределами

В.П. ФИЛАТОВ

Проблему понимания обычно обсуждают в связи с герменевтикой. Идущее от XIX в. противопоставление – «природу мы объясняем, историю и культуру мы понимаем» – редуцирует понимание к методологии гуманитарных наук в рамках герменевтического подхода. Однако непредубежденный взгляд подсказывает, что понимание не вмещается в этот подход даже при самой широкой его трактовке. Помимо прочего это проявляется в тех значениях, которые слово «понимание» имеет в естественном языке, и в тех определениях, которые можно найти в энциклопедиях и словарях. В последних понимание (англ. – understanding, нем. – Verstehen, франц. – comprehension) обычно определяется как: 1) универсальная способность сознания, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся представлений; 2) уразумение смысла или значения чего-либо; 3) категория эпистемологии и методологии науки,

обычно противопоставляемая объяснению в контексте различия наук о природе и наук о культуре. Наряду с этим выделяют разные типы понимания в соответствии с его объектами: 1) людьми, 2) действиями, 3) артефактами и функциональными системами, 4) знаковыми системами, 5) правилами и институтами¹.

В основных европейских языках слово «понимать» имеет много значений (Оксфордский словарь дает более 30 значений глагола *understand*). В русском языке лингвисты выделяют два основных блока значений: *понимание-знание* (уяснить, постичь что-либо, осознать смысл, уразуметь сущность чего-либо, владеть языком и т.п.) и *понимание-истолкование* (интерпретировать, трактовать, расценивать, подразумевать – «он понял этот жест как вызов»). В научном языке понимание и истолкование (интерпретация) также тесно связаны. Однако структура понимания в отличие от интерпретации с трудом поддается экспликации. Есть мнение, что оно представляет собой лишенную отчетливой структуры интуитивную «когницию», оперирующую нечеткими концептами в отличие от дискурсивного знания с его более точными понятиями².

В классической, а иногда и в современной эпистемологии пониманием нередко называется способность познания в целом («Опыт о человеческом понимании» Дж. Локка, «О понимании» В.В. Розанова, «Человеческое понимание» Ст. Тулмина и др.). В более специальном смысле использовал этот термин И. Кант: понимание у него является конструированием предмета из чувственной материи посредством априорных форм чувственности и рассудка: «только через них он может что-то понимать в многообразном [содержании] созерцания, т.е. мыслить объект созерцания» (Критика чистого разума. В 106). Но у Канта еще не возникает того круга проблем, которые стали обсуждаться в связи с пониманием позднее, поскольку, во-первых, априорные формы он мыслил как универсальные и неизменные и их применение является общим механизмом познания, во-вторых, конструктивизм у него выступает лишь на стороне субъекта познания, объект же, природный или культурный, не содержит внутренних синтетически-конструктивных структур. Между тем нетривиальные проблемы понимания возникают тогда, когда входят во взаимодействие различающиеся концептуальные (смысловые)

¹ См. : *Scholz O.R. Verstehen // Enzyklopädie Philosophie ; hrsg. von H.J. Sandkühler. Hamburg, 1999.*

² *Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.*

структуры: автора текста или художественного творения и интерпретатора, действующих в прошлом людей и историков, носителей иной культуры и антропологов, участников социальной жизни и теоретиков-обществоведов.

Понимание в герменевтической традиции

Впервые в этом плане понимание было актуализировано в немецкой герменевтике XIX в., что отчасти оправдывает претензии философской герменевтики на то, чтобы сделать понимание своей «визитной карточкой»³. К древней традиции герменевтики как искусству перевода и истолкования здесь были сделаны прививки эпистемологии романтизма и историзма. С этих позиций критиковалось противопоставление субъекта познания его объекту и предлагалась эпистемология «соучастия»; подчеркивалась культурно-историческая вариативность мышления в противовес просвещенческому универсализму разума; мировоззрению механицизма, объяснявшего свойства целого из свойств частей, противопоставлялась идея органической целостности с центральным понятием «жизни»⁴.

В герменевтике Ф. Шлейермахера понимание есть обнаружение смысла текста, осуществляемое в процессе его «грамматической» и «психологической» интерпретации. В методологии истории И. Дройзена «понимание через исследование» противопоставляется естественно-научному каузальному объяснению. Наиболее масштабным был проект «критики исторического разума» В. Дильтея, цель которого состояла в обосновании особого статуса историко-гуманитарного познания. Центральная роль в этом отводилась пониманию как наиболее адекватному способу осознания и воссоздания тех жизненных и смысловых целостностей, с которыми имеет дело гуманитарий.

В философской герменевтике М. Хайдеггера понимание получает онтологическую трактовку – оно становится «пони-мающим бытием». Прежде чем мы начинаем познавать мир, мы уже расположены в нем. Эта изначальная структура раскрывается в «пред-понимании», задающем горизонт познанию и фундирующем в свою очередь понимание как метод

³ Куренной В. Функции понимания в философии и методологии гуманитарных наук // Логос. 2007. № 5 (62). С. 4.

⁴ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. Гл. 5–9. Здесь подробно рассмотрены эпистемологические и ценностные предпосылки герменевтического подхода, а также формы его реализации.

познания. У Г.Г. Гадамера эти идеи получают детальную разработку применительно к историческому пониманию и проблематике истолкования текстов⁵. Предпонимание у него выступает набором «пред-рассудков», обусловленных временем и языком, подчеркивается также субстанциональность традиции, в рамках которой осуществляется любое понимание. Смена предрассудков и развитие традиции ведет к изменению понимания как интерпретации, что придает ему всегда незавершенный, открытый характер.

Иную версию философской герменевтики разработал П. Рикёр⁶. В эпистемологическом плане существенно, что понимание и объяснение у него не разводятся по разным типам наук, а в процессе гуманитарной интерпретации дополняют друг друга. Это связано с тем, что в XX в. гуманитарные науки выработали собственные методы объяснения, не копирующие модели объяснения естественных наук. К ним Рикёр относит прежде всего методы структурализма, семиотики, психоанализа. Поэтому в отличие от традиционных взглядов, противопоставлявших понимание и объяснение, девизом современной герменевтики, по Рикёру, должно быть: «больше объяснять, чтобы лучше понимать».

Несомненно, что за два века развития философско-герменевтическая традиция существенно преобразилась и многое впитала в себя, прежде всего из феноменологии и философии языка. Однако, по мнению рационально настроенных философов, в том числе и немецких, изжить родимые пятна ей не удалось: «союз герменевтики и историзма, ориентация на текстовую модель и культ историчности отражают типичные черты все еще господствующей и сегодня в немецкоязычном регионе в духовно-научном и философском мышлении антинатуралистической и квазитеологической ориентации, которая в своей крайней форме экстраполировала эту текстовую модель на общую действительность»⁷.

Понимание в «аналитической герменевтике»

Термин «аналитическая герменевтика» появился относительно недавно для обозначения берущих начало от идей Р. Кол-

⁵ См.: Гадамер Г.Г. Истина и метод. М., 1988.

⁶ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.

⁷ Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М., 2003. С. 132.

лингвуда 1920–1930-х гг. исследований по проблемам соотношения понимания, описания и объяснения в аналитической философии истории (М. Мандельбаум, М. Уайт, У. Дрей, А. Данто и др.). На это направление оказали влияние поздние работы Л. Витгенштейна и аналитическая теория действия (М. Оукшот, Э. Энском, Г. фон Вригт и др.). Этот тип герменевтики существенно отличается от немецкой герменевтической традиции. Его представители не признают эпистемологию романтизма и историзма, отрицают спекулятивную философию истории, не принимают резкого противопоставления понимания и объяснения. Если в немецкой традиции парадигмой является понимание и интерпретация текстов, то в англо-американской – понимание и объяснение интенционального человеческого действия.

Идея Коллингвуда о том, что понимание есть реконструкция мыслей исторического агента в мышлении историка, послужила лишь толчком для этой парадигмы. Реально же она сложилась в ходе длительной дискуссии по проблемам исторического объяснения, инициированной статьей К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» (1942), в которой он утверждал, что его модель охватывающих законов является общей схемой объяснения в естественных и гуманитарных науках. В противовес этому У. Дреем была выдвинута модель рациональной связи между ситуацией, мотивами исторического агента и действием⁸. Историки, доказывает он, обычно не используют в своих объяснениях законов, но главное, что в понимании действий людей они не могут обойтись без учета смысловой стороны их поступков, без реконструкции их целей и мотивов. Эта реконструкция, по мнению Дрея, должна исходить из посылки, что люди и в прошлом были рациональными существами, которые перед совершением определенных действий явно или неявно провели ряд рассуждений: соизмерили цели и средства, взвесили свои мотивы, оценили ситуацию и т.п. Опираясь на эту презумпцию и на известные ему факты, историк может мысленно реконструировать эти возможные рассуждения, что и приводит в итоге к пониманию и рациональному объяснению действий. Более современные варианты аналитической герменевтики связаны с использованием логики «практического силлогизма» для понимания и объяснения интенционального действия (Э. Энском, Г. фон Вригт)⁹ и так называемого «аргумента логической связи».

⁸ См.: *Dray W. Laws and Explanation in History*. Oxford, 1957.

⁹ См.: *Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования*. Ч. I. Объяснение и понимание. М., 1986.

Для всех этих подходов главным затруднением является расширение этих моделей на понимание и объяснение, во-первых, *деятельности* как длительной по времени, в отличие от единичных действий, и стратегической по своему характеру, во-вторых, *непреднамеренных последствий* индивидуальных действий, в том числе неинтенциональных институтов. Между тем эти непреднамеренные результаты человеческих действий наиболее важны для социально-исторического познания, как это доказывал целый ряд блестящих мыслителей от А. Фергюсона, Д. Юма и А. Смита до Ф. Хайека¹⁰.

Несколько иной подход к пониманию действия предложен П. Уинчем¹¹. Он исходит из идей Витгенштейна о формах жизни, языковых играх и следовании правилу и предлагает концепцию социального познания, которую можно охарактеризовать как холистский релятивизм. В нем мотивы и действия получают свое значение только в относительно замкнутых контекстах, определяемых формами жизни. Там все действия связаны внутренним, смысловым образом, они следуют «правилам игры», которые могут быть чужды представителям иных культур. Эти правила, поскольку они имеют выражение в определенной языковой игре, определяют и особое видение мира, своеобразную форму реальности. Раскрыв систему правил, мы можем понять и объяснить действия людей. Но это понимание при больших культурных или временных отличиях не может быть полным и адекватным. Та или иная степень перевода иной языковой игры на нашу собственную возможна, поскольку во всех формах жизни присутствуют определенные антропологические универсалии. Однако в целом концептуальное выражение одной формы в терминах другой, по мнению П. Уинча, можно уподобить переводу на математический язык чего-то существенно нематематического.

Возможна и более тонкая интерпретация идей Витгенштейна о следовании правилу с учетом его «скептического парадокса» и анализа этого парадокса С. Крипке¹². В свете такого подхода следование правилу предстает базисным феноменом, оно не может объясняться посредством обращения к ментальным состояниям людей, следующих правилу. «Не думай вовсе о понимании как об “умственном процессе”!

¹⁰ См.: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. Гл. 1; Лал Д. Непреднамеренные последствия. М., 2007.

¹¹ См.: Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996.

¹² См.: Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке // Логос. 1999. № 1 (11).

Ибо это лишь оборот речи, который тебя сбивает с толку», – советует Витгенштейн («Философские исследования», § 154). Социальное поведение, т.е. любое «следование правилу», не предполагает скрытых за ним «ментальных процессов». Постоянное желание атрибутировать такие процессы людям в качестве основы их поступков является не более чем психологической привычкой, без которой человеческое действие представляется как бы непонятным. Между тем эту привычку жестко связывать действия и мотивы можно преодолеть. Это удалось, например, в методологии социального познания П. Бурдьё, который учитывал идеи Витгенштейна в своей концепции «габитуса»¹³. Интересно, что и у нас появились работы, в которых вытекающие из парадокса Витгенштейна–Крипке запреты и следствия последовательно используются в конкретных исследованиях¹⁴.

Понимание как эмпатия

Один из вариантов нетекстологической трактовки понимания связан с понятием «эмпатии». Этот термин встречался в английской литературе, но первую систематическую концепцию «вчувствования» (*Einfühlung*) разработал на рубеже XIX–XX вв. немецкий психолог и эстетик Т. Липпс. Он определил «вчувствование» как «исчезновение двойственности в сознании между объектом и субъектом», способность занимать позицию другого. Эту способность Липпс считал центральной для философско-психологического анализа эстетического опыта. Помимо этого, в статье «Знание о чужом Я» (1907) он попытался показать, что вчувствование может быть основой для понимания «опыта другого человека» – понимания его эмоций, желаний и других душевных состояний. Выбрав в качестве перевода липпсовского «вчувствования» термин «эмпатия», Э. Титченер популяризировал этот круг идей в англо-американской психологии. Позднее это понятие стало центральным в гуманистической психологии К. Роджерса.

Концепция эмпатии вызвала большой интерес среди философов и психологов начала XX в., поскольку в ней видели единственную в то время альтернативу идущей еще от Декарта теории умозаключений по аналогии с проблемой понима-

¹³ См.: Бурдьё Ж. Правила, диспозиции и габитус // Социоанализ Пьера Бурдьё. М.: СПб., 2001.

¹⁴ См.: Дубровский И.В. Очерки социальной истории средних веков. М., 2010.

ния «другого сознания». Сам Липпс объяснял эмпатию исходя прежде всего из врожденной способности подражания, внутренней имитации чужого душевного состояния. Человек, эмпатически воспринимающий эмоции «другого Я», не только понимает их, но и сам в известной степени переживает эти эмоции. Указанная трактовка вызвала критику со стороны М. Шелера, Н.О. Лосского¹⁵ и др., хотя и признавалось, что доводы Липпса против аргумента по аналогии весьма убедительны. Еще более негативно оценивали значимость эмпатии для психологии и социальных наук логические позитивисты. К. Гемпель считал, что способность эмпатически имитировать чужие ментальные состояния может служить разве что эвристическим приемом, а О. Нейрат говорил, что эмпатия не более ценна, чем чашка хорошего кофе, которую ученый выпивает перед работой.

Доминирование в середине прошлого века различных вариантов бихевиоризма в психологии и философии привело к утрате интереса к эмпатии. Однако в самые последние годы ситуация стала меняться, поскольку концепция эмпатии как внутренней имитации получила очень интересные эмпирические подтверждения в нейрофизиологии в связи с обнаружением так называемых зеркальных нейронов. Это открытие совершила группа итальянских ученых во главе с Дж. Ризоллатти при исследовании поведения обезьян¹⁶. Они изучали группу нейронов, которая активировалась, когда обезьяна брала орехи с подноса. Однако они неожиданно обнаружили, что эта же нейронная область активизировалась и тогда, когда обезьяна лишь наблюдала, как кто-либо другой (другая обезьяна или даже человек) брал орех с подноса. Это произвело сенсацию в нейробиологии, вызвало поток дальнейших исследований, приведших к открытию зеркальных нейронов у человека. Эти нейронные сети как бы позволяют на основе визуального восприятия поведения другого человека на нейрофизиологическом уровне имитировать его чувства и тем самым эмпатически сопереживать ему. Очень быстро появились концепции, в которых зеркальные нейроны отвечают не только за наше понимание других людей, но и за развитие социальных навыков и многих механизмов эволюции человеческой культуры¹⁷. Хотя во всем этом еще много неясного, воз-

¹⁵ См.: Лосский Н.О. Восприятие чужой душевной жизни // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 2.

¹⁶ Gallese V., Fadiga L., Fogassi L., Rizzolatti G. Action Recognition in the Premotor Cortex // Brain. 1996. V. 119. P. 593–609.

¹⁷ Обзор этих концепций см.: Бауэр И. Почему я чувствую, что чувствуешь ты. Интуитивная коммуникация и секрет зеркальных нейронов. СПб., 2009.

можно, что вчувствование, имитация, эмпатия как уникальные методы понимания в мире человека и культуры получат неожиданное подкрепление со стороны объяснительных методов естественных наук.

Понимание в социальных науках

В социальных науках необходимо понять и объяснить две основные группы феноменов – социальные действия людей и результаты этих действий. В свои действия люди вкладывают смысл, руководствуются мотивами, целями и ценностями, т.е. придают своим действиям субъективные значения. В социологии есть знаменитая «теорема Томаса»: «Если ситуации определяются людьми как реальные, они становятся реальными по своим последствиям»¹⁸. Предполагается то, что среда, в которой действуют социальные агенты, не некий «объективный мир», как он существует «на самом деле» или каким его видит ученый, но то, что сами индивиды могут обнаружить и осмыслить с помощью своих обыденных представлений и «донаучных теорий». В какой мере социальный исследователь (социолог, этнограф, экономист) должен учитывать эти субъективные значения действия и донаучное понимание социальной реальности? Вопрос порождает в социальных науках две крайние позиции: субъективизм и объективизм, «внутренние» и «внешние» описания, «феноменологические» и «объективистские», «когнитивные» и «бихевиористские», «понимающие» и «объясняющие» теории.

В чистом виде эти полюса не встречаются, однако можно выделить тяготеющие к ним перспективы. Объективизм ярко представлен Э. Дюркгеймом: социальная наука должна рассматривать «социальные факты как вещи», социальная жизнь должна раскрываться не через понимание и описание представлений тех, кто в ней принимает участие, а через глубинные причины, которые ускользают от сознания самих агентов. Понимающий полюс представлен качественной феноменологической социологией (А. Шюц, П. Бергер) и этнометодологией: социальный мир конструируется представлениями

¹⁸ Эта фраза впервые появилась в книге «Ребенок в Америке» (1928), которую американский социолог У. Томас написал совместно с женой Д. Томас. «Теоремой Томаса» она стала благодаря Р. Мертону, который в таком наименовании пропагандировал идею Томаса и использовал ее в собственных работах, в частности в концепции «самоосуществляющегося пророчества».

самых агентов, понятия социальной науки – конструкты второго уровня, проясняющие первичные конструкты самих агентов и верифицируемые ими. Познание в результате заключается в «понимании понимания», или, как выражаются критики этого подхода, в производстве «мнения о мнениях».

Антрополог К. Гирц считает, что эта дилемма более четко проясняется разграничением «близких-к-опыту» и «далеких-от-опыта» понятий¹⁹. Использование первых ориентирует на понимание, вторых – на объяснение. «Близкие-к-опыту» – понятия из языка самих агентов, которые они могут естественно использовать для обозначения того, что они чувствуют, думают и делают. «Далекие-от-опыта» понятия использует исследователь в своих научных целях. Так, любовь и страх – для нас близкие понятия, а «привязанность либидо к объекту» и «фобия» – для большинства далекие. По Гирцу, не нужно эмпатически вживаться в «туземцев», чтобы их понимать; ошибочно считать, что их собственный словарь всегда является наилучшим для понимания их действий (иначе, например, наилучшей была бы этнография колдовства, написанная колдуньей). Подлинная задача – уловить и понять те понятия, которые для самих агентов являются близкими-к-опыту, и при этом непротиворечиво связать эти понятия с проясняющими их далекими-от-опыта понятиями, чтобы объяснить общие черты социальной жизни.

Уже М. Вебер предложил одно из решений этой задачи, определяя социологию как науку, которая хочет ясно понять социальное действие и тем самым дать его причинное объяснение²⁰. В соответствии с его «постулатом о субъективной интерпретации» пониматься должен «субъективно полагаемый самым действующим смысл» социального действия в свете типичных для него норм и ценностей. Но это понимание не должно носить характера «вживания» или эмпатии, поскольку они лишены общезначимости. Наука должна работать с понятиями прежде всего «идеально-типическими», с помощью которых «понимающе» реконструируется мир ценностей и целей индивидов (например, идеальные типы «протестантская этика», «дух капитализма») и затем строится объясняющая теория. Более сложные варианты преодоления дилемм объективизм–субъективизм, объяснение–понимание в современной социальной науке представлены в теории

¹⁹ Гирц К. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.

²⁰ См.: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.

структурации Гидденса²¹, в уже упомянутом выше подходе к социальному миру Бурдье²². В нашей литературе синтез понимания и объяснения реализован в замечательных работах Н.Н. Козловой о «простом советском человеке»²³.

★ ★ ★

Проблема понимания возникает в самых разных контекстах и ситуациях – когда есть много смыслов и значений, когда мы сталкиваемся с чуждыми для нас формами жизни и культуры, когда переводим с другого языка, когда велика временная дистанция между автором и читателем и т.п. Но стоит также отметить, что не все поддается пониманию, что в понимании есть градации и своего рода пределы, которые неясно как можно преодолеть. Как отмечал Кант, нам не дано понять, как выглядит мир в глазах собаки или гипотетического марсианина. Ему вторит Витгенштейн: «даже если бы лев заговорил, мы не могли бы его понять». А «каково это быть летучей мышью», чей сенсорный аппарат столь радикально отличается от нашего, спрашивает Т. Нагель в одноименной статье. Но не только в этом эпистемологическом зоопарке мы сталкиваемся с границами понимания. Физика достоверно установила существование множества микро- и мегаобъектов и математически выраженных законов их взаимодействия. Но нам очень трудно понять (в обычном, негерменевтическом смысле) их странные свойства, поскольку запас наших образных объект-гипотез и схем понимания сформировался в мезомире, где нет таких вещей, которые, например, одновременно являлись бы частицами и волнами. А каково это быть человеком? Хотелось бы и это понять не с нашей, человеческой позиции, а глазами совсем другого существа или даже «взглядом ниоткуда».

²¹ См.: Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структурации. М., 2003.

²² Наиболее подробно преодоление оппозиции объективизм–субъективизм описывается Бурдье в первой части его книги «Практический смысл» (1980; рус. пер.: М., 2001).

²³ См.: Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.